

ГЛАВА XI.

Когда мы приехали домой, доктор Лите еще не вернулся, а миссис Лите не было видно.

"Вы любите музыку, мистер Уэст?" - спросила Эдит.

Я заверил ее, что, по моим представлениям, музыка - это половина моей жизни.

"Я должна извиниться за то, что спрашиваю", - сказала она. "Это не тот вопрос, который мы задаем друг другу в наши дни; но я читала, что в ваше время даже среди образованного класса были те, кто не интересовался музыкой".

"Вы должны помнить, - в качестве оправдания сказал я, - что у нас была довольно абсурдная музыка".

"Да, - сказала она, - я знаю это; боюсь, мне не следовало бы воображать все это самой. Не хотите ли вы послушать что-нибудь из современных композиции, мистер Уэст?"

"Ничто не доставило бы мне такого удовольствия, как послушать вас", - сказал я.

"Меня!" - воскликнула она, смеясь. "Вы думали, я собираюсь играть на инструменте или петь для вас?"

"Я, конечно, надеялся на песню", - ответил я.

Видя, что я немного смущен, она подавила свою улыбку и объяснила.

"Конечно, в наши дни все мы поем как нечто само собой разумеющееся при тренировке голоса, а некоторые учатся играть на инструментах для собственного развлечения; но профессиональная музыка намного величественнее и совершеннее любого нашего исполнения, и ею так легко управлять, когда мы этого желаем слышать это, что мы вообще не думаем о том, чтобы называть наше пение или игру музыкой. Все действительно прекрасные певцы и музыканты находятся на музыкальном служении, а остальные из нас не поют большую часть времени. Но вы действительно хотели бы послушать какую-нибудь песню?"

Я еще раз заверил ее, что это правда.

"Тогда пойдем в музыкальную комнату", - сказала она, и я последовал за ней в помещение, отделанную деревом, без занавесок, с полом из полированного дерева. Я был готов к новым музыкальным инструментам, но я не увидел в комнате ничего, что при любом напряжении воображения можно было бы представить, как таковое. Было очевидно, что мой озадаченный вид сильно позабавил Эдит.

"Пожалуйста, посмотрите на сегодняшнюю музыку, - сказала она, протягивая мне карточку, - и скажите мне, что бы вы предпочли. Запомните сейчас пять часов дня, вы должны помнить".

На открытке стояла дата "12 сентября 2000 года", и она содержала самую длинную музыкальную программу, которую я когда-либо видел. Она была столь же разнообразной, сколь и длинной, включая самый необычный диапазон вокальных и инструментальных соло, дуэтов, квартетов и различных оркестровых комбинаций.

Я пребывал в замешательстве перед этим потрясающим списком, пока кончик розового пальца Эдит не указал на определенный раздел, где несколько избранных были заключены в

квадратные скобки со словами "5 часов вечера" напротив них; затем я заметил, что эта потрясающая программа рассчитана на весь день и разделена на двадцать четыре раздела, соответствующие часам. В разделе "5 часов вечера" было всего несколько музыкальных произведений, и я указал, что предпочитаю органную пьесу.

"Я так рада, что вам нравится орган", - сказала она. "Я думаю, что едва ли найдется музыка, которая чаще всего соответствовала бы моему настроению".

Она усадила меня поудобнее и, пересекая комнату, насколько я мог видеть, просто прикоснулась к одному или двум винтикам, и сразу же комната наполнилась музыкой великого органного гимна; наполнилась, а не затопила, потому что каким-то образом громкость мелодии была уменьшена. идеально соответствует размерам квартиры. Я слушал, едва дыша, до конца. Такую музыку, так прекрасно исполненную, я никогда не ожидал услышать.

"Великолепно!" - воскликнул я, когда последняя огромная волна звука оборвалась и исчезла в тишине. "Бах, должно быть, играет на клавишах этого органа; но где же орган?"

"Подождите минутку, пожалуйста, - сказала Эдит. - Я хочу, чтобы вы послушали этот вальс, прежде чем задавать какие-либо вопросы. Я думаю, это совершенно очаровательно", - и пока она говорила, звуки скрипок наполнили комнату волшебством летней ночи.

Когда и это прекратилось, она сказала: "В музыке нет ничего ни в малейшей степени таинственного, как вы, кажется, себе представляете. Это сделано не феями или гениями, а хорошими, честными и чрезвычайно умными человеческими руками. Мы просто внедрились идею экономии труда за счет сотрудничества в наш музыкальный сервис, как и во все остальное. В городе есть несколько музыкальных залов, идеально приспособленных акустически к различным видам музыки. Эти залы соединены по телефону со всеми домами города, жители которых готовы платить небольшую плату, и вы можете быть уверены, что нет ни одного, кто этого не делает.

Состав музыкантов, прикрепленных к каждому залу, настолько велик, что, хотя ни у одного отдельного исполнителя или группы исполнителей нет более короткой партии, программа каждого дня длится двадцать четыре часа. На этой карточке на сегодняшний день, как вы увидите, если внимательно понаблюдаете, представлены различные программы четырех из этих концертов, каждый из которых отличается по порядку музыки от других, которые сейчас исполняются одновременно, и вы можете услышать любое из четырех произведений, которые вам нравятся. простым нажатием кнопки, которая соединит ваш домашний провод с залом, где он отображается.

Программы настолько скоординированы, что пьесы, одновременно исполняемые в разных залах, обычно предлагают выбор не только между инструментальными и вокальными произведениями и между различными видами инструментов, но и между различными мотивами от серьезных до веселых, так что можно удовлетворить любой вкус и настроение".

"Мне кажется, мисс Лите, - сказал я, - что если бы мы могли разработать аранжировку для того, чтобы обеспечить всех музыкой в их домах, совершенной по качеству, неограниченной в количестве, подходящей для любого настроения и начинающейся, и прекращающейся по желанию, мы должны были рассмотреть предел человеческого счастья уже достигнут, и перестал стремиться к дальнейшим улучшениям".

"Я уверена, что никогда не могла себе представить, как те из вас, кто вообще зависел от музыки, умудрялись терпеть старомодную систему ее предоставления", - ответила Эдит.

"Музыка, действительно стоящая того, чтобы ее слушать, должно быть, была, я полагаю, совершенно недоступная массам и доступна наиболее избранным лишь изредка, с большими трудностями, огромными затратами, и то на короткие периоды, произвольно установленные кем-то другим, и в связи со всевозможными нежелательными обстоятельствами. Ваши концерты, например, и оперы!

Как, должно быть, это было невыносимо - ради одного-двух музыкальных произведений, которые тебе подходили, часами сидеть и слушать то, что тебе было безразлично! Теперь за ужином можно пропустить те блюда, которые вам не нравятся. Кто бы стал обедать, каким бы голодным он ни был, если бы требовалось съесть все, что принесут на стол? И я уверена, что слух у человека такой же чувствительный, как и вкус. Я полагаю, именно эти трудности на пути создания действительно хорошей музыки заставили вас терпеть так много игр на инструментах и пения в ваших домах людьми, которые владели лишь зачатками искусства".

"Да, - ответил я, - у нас был выбор между такой музыкой или отсутствием музыки вовсе".

"Ах, что ж, - вздохнула Эдит, - если подумать по-настоящему, то не так уж странно, что люди в те дни так часто не интересовались музыкой. Осмелюсь сказать, если бы я жила в то время, я бы возненавидела музыку."

"Правильно ли я вас понял, - спросил я, - что эта музыкальная программа охватывает все двадцать четыре часа? На этой карточке, конечно, так кажется; но кто там будет слушать музыку, скажем, между полночью и утром?"

"О, много", - ответила Эдит. "Наши люди слушают все часы; но если бы музыка звучала с полночи до утра ни для кого другого, она все равно была бы для неспящих, больных и умирающих. Во всех наших спальнях в изголовье кровати есть телефон, с помощью которого любой человек, страдающий бессонницей, может в любое время включить музыку, соответствующую настроению."

"Есть ли такое расположение в отведенной мне комнате?"

"Ну, конечно; и как глупо, как очень глупо с моей стороны не догадаться рассказать вам об этом прошлой ночью! Однако сегодня вечером, прежде чем вы ляжете спать, отец покажет вам, как это делается; и я совершенно уверена, что с трубкой у вашего уха вы сможете щелкнуть пальцами, чтобы избавиться от всевозможных сверхъестественных ощущений, если они снова вас беспокоят."

В тот вечер доктор Лите спросил нас о нашем посещении магазина, и в ходе последовавшего за этим отрывочного разговора и сравнения обычаев девятнадцатого и двадцатого века мы задели вопрос о наследовании.

"Я полагаю, - решил уточнить я, - что наследование собственности сейчас запрещено?"

"Напротив, - ответил доктор Лите, - в это никто не вмешивается. На самом деле, мистер Уэст, когда вы познакомитесь с нами поближе, вы обнаружите, что в наши дни гораздо меньше любого рода вмешательства в личную свободу, чем вы привыкли. Действительно, по закону мы требуем, чтобы каждый человек служил нации в течение определенного периода, вместо того, чтобы оставлять ему выбор, как это сделали вы, между работой, воровством или голодной смертью.

За исключением этого основного закона, который на самом деле является просто естественным законом природы — эдикта Эдема (не понял при. пер.), — благодаря этому

давление на людей уравнено, наша система ни в чем конкретно не зависит от законодательства, но является полностью добровольной, логическим результатом действий человеческой природой в рациональных условиях.

Этот вопрос о наследовании иллюстрирует именно этот момент. Тот факт, что нация является единственным капиталистом и землевладельцем, конечно, ограничивает имущество индивида его годовым кредитом и тем личным и домашним имуществом, которое он, возможно, приобрел на него. Его кредит, как и аннуитет в ваше время, прекращается после его смерти с сохранением фиксированной суммы на похоронные расходы. Остальное свое имущество он оставляет, как ему заблагорассудится."

"Что должно предотвратить со временем такое скопление ценных товаров и движимого имущества в руках отдельных лиц, которое могло бы серьезно помешать равенству в обстоятельствах граждан?"

"Этот вопрос решается очень просто", - последовал ответ.

"При нынешней организации общества накопления личной собственности становятся просто обременительными в тот момент, когда они превышают то, что добавляет к реальному комфорту. В ваше время, если у человека был дом, битком набитый золотой и серебряной посудой, редким фарфором, дорогой мебелью и тому подобными вещами, он считался богатым, поскольку эти вещи олицетворяли деньги и могли в любой момент превратиться в них.

В наши дни человек, которого наследие ста одновременно умирающих родственников поставило бы в подобное положение, считался бы очень невезучим. Предметы, не подлежащие продаже, не представляли бы для него никакой ценности, за исключением их фактического использования или наслаждения их красотой. С другой стороны, если бы его доход остался прежним, ему пришлось бы израсходовать свой кредит, чтобы нанять дома для хранения товаров и еще больше заплатить за услуги тех, кто о них заботился.

Вы можете быть совершенно уверены, что такой человек, не теряя времени, разбросал бы среди своих друзей имущество, которое только сделало бы его беднее, и что ни один из этих друзей не принял бы от него больше, чем они могли бы безболезненно взять для себя. Таким образом, вы видите, что запрещение наследования личной собственности с целью предотвращения больших накоплений было бы излишней предосторожностью для нации.

Отдельному гражданину можно доверять в том, что он не перегружен. Он настолько осторожен в этом отношении, что родственники обычно отказываются от претензий на большую часть имущества умерших друзей, оставляя за собой только определенные предметы. Нация берет на себя ответственность за оставленное имущество и снова превращает то, что имеет ценность, в обыкновенный капитал".

"Вы говорили об оплате услуг по уходу за вашими домами", - сказал я. "Это наводит на вопрос, который я несколько раз собирался задать. Как вы решили проблему домашней прислуги? Кто готов быть домашней прислугой в обществе, где все социальные классы равны? Нашим дамам было достаточно трудно найти таких, даже когда не было никаких претензий на социальное равенство".

"Именно потому, что мы все равные, чье равенство ничто не может скомпрометировать, и потому, что служба почетна в обществе, фундаментальный принцип которого заключается в том, что все в свою очередь должны служить остальным, мы могли бы легко предоставить корпус домашней прислуги, о котором вы никогда не мечтали, если бы они нам понадобились,"

ответил доктор Лите. "Но они нам не нужны".

"Тогда кто же делает твою домашнюю работу?"

"Ничего не поделаешь", - сказала миссис Лите, к которой я обратился с этим вопросом.

"Вся наша стирка производится в общественных прачечных по чрезмерно низким ценам, а приготовление пищи - на общественных кухнях. Пошив и ремонт всего, что мы носим, производятся снаружи в общественных магазинах. Электричество, конечно, заменяет все свечки и масляные лампы. Мы выбираем дома не больше, чем нам нужно, и обставляем их так, чтобы содержать их в порядке было как можно меньше хлопот. Нам не нужна домашняя прислуга."

"Тот факт, - сказал доктор Лите, - что у вас в бедных классах было неограниченное количество бедняков, на которых вы могли возложить всевозможные болезненные и неприятные обязанности, сделали вас равнодушными к способам избежать необходимости в них. Но теперь, когда мы все должны по очереди выполнять любую работу, выполняемую для общества, каждый человек в стране имеет одинаковый интерес, причем личный, к устройствам для облегчения бремени. Этот факт дал мощный импульс изобретениям, экономящим труд, во всех отраслях промышленности, одним из первых результатов которых стало сочетание максимального комфорта и минимума хлопот в домашнем хозяйстве.

"В случае особых чрезвычайных ситуаций в домашнем хозяйстве, - продолжал доктор Лите, - таких как обширная уборка или ремонт, или болезнь в семье, мы всегда можем заручиться помощью промышленных работников".

"Но как вы вознаграждаете этих помощников, если у вас нет денег?"

"Конечно, платим не мы им, а нация за нас. Их услуги можно получить, подав заявку в соответствующее бюро, и их стоимость списывается с кредитной карты заявителя".

"Каким раем для женщин, должно быть, стал сейчас мир!" - воскликнул я. "В мое время даже богатство и неограниченное количество слуг не освобождали своих обладательниц от домашних забот, в то время как женщины из простых рабочих и более бедных классов жили и умирали мучениками за них".

"Да, - сказала миссис Лите, - я кое-что читала об этом; этого достаточно, чтобы убедить меня в том, что, как бы ни были бедны мужчины в ваше время, им повезло больше, чем их матерям и женам".

"Широкие плечи нации, - сказал доктор Лите, - теперь, как перышко, несут бремя, которое сломало спины женщинам вашего времени. Их несчастье, как и все ваши другие несчастья, проистекало из неспособности к сотрудничеству, которая вытекала из индивидуализма, на котором была основана ваша социальная система, из вашей неспособности понять, что вы могли бы извлечь в десять раз больше пользы из своих братьев, объединившись с ними, чем борясь с ними. Удивительно не то, что вы не жили более комфортно, а то, что вы вообще смогли жить вместе, ведь, по общему признанию, люди стремились сделать друг друга своими слугами и обеспечить владение имуществом друг друга".

"Ну, ну, отец, если ты будешь так яростен, мистер Уэст подумает, что ты его ругаешь", - со смехом вмешалась Эдит.

"Когда вам нужен врач, - спросил я, - вы просто обращаетесь в соответствующее бюро и

принимаете любого, кого могут прислать?"

"Это правило не сработало бы в случае с врачами", - ответил доктор Лите. "Польза, которую врач может принести пациенту, во многом зависит от его знакомства с его конституциональными тенденциями и состоянием. Следовательно, пациент должен иметь возможность вызвать определенного врача, и он делает это точно так же, как это делали пациенты в ваше время. Единственная разница заключается в том, что вместо того, чтобы собирать свой гонорар для себя, врач собирает его для нации, снимая сумму, согласно обычной шкале медицинского обслуживания, с кредитной карты пациента".

"Я могу себе представить, - сказал я, - что если плата всегда одинакова, и врач не может отказать пациентам, как я полагаю, он не может, то хороших врачей вызывают постоянно, а бедных оставляют в бездействии".

"Во-первых, если вы не обратите внимания на очевидное тщеславие замечания врача на пенсии, - с улыбкой ответил доктор Лите, - у нас нет бедных врачей. Любой, кто пожелает немного разобраться в медицинских терминах, сейчас не имеет права практиковаться на телах граждан, как в ваше время. Никому, кроме студентов, прошедших суровые испытания в школах и ясно доказавших свое призвание, не разрешается практиковать. Тогда вы также заметите, что в настоящее время нет попыток врачей развивать свою практику за счет других врачей. Для этого не было бы никакого мотива. В остальном врач должен регулярно представлять отчеты о своей работе в медицинское бюро, и если он недостаточно хорошо работает, для него находят другую работу".

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/83668/2696326>